

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МАРТ 2024 г. ● № 3 (325)

Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Николай ИВАНОВ

Россия была, есть и будет!

Заявление Союза писателей России

Сегодня, 23 марта, в Колонном зале, именно в эти минуты, должны были начаться торжества в честь открытия Недели Детской книги.

Впервые за 30 лет. Вместо праздника — траур. Как? Почему? А просто история не прощает пустоты. 30 лет — это не просто отсутствие должного внимания книгам и фильмам о детях. Воспиталось и пришло в мир поколение, пред взором которого непрерывно мелькали и стали естественным фоном всевозможные Бешеные, Слепые, симпатичные «герои» Ментовских войн, Бандитских Петербургов и прочих Бригад, поставленных на поток. И уже не только о трагедии в Крокус Сити Холл (название, кстати, далеко от русских традиций называть любимых детей родными именами) мы говорим сегодня. Мы поднимаем проблему в области культуры, и имена, национальные преступников в этом отношении становятся вторичными.

Мы вправе говорить об издателях, которые первыми побежали за быстрыми короткими деньгами и бесконечно, в первоочередном порядке печатали книги — серии книг! — в которых убийства, предательство, насилие становились нормой жизни общества с пятной-седьмой страницы. Чиновники перевернули книжный мир, и вместо выдачи субсидий на издание книг, одобренных художественными советами писательских сообществ, отдали право издавать книги за государственный счёт по заявкам тех же издателей, которые рассматривали исключительно коммерческий успех по продажам, забыв о том, что дешёвое не бывает лучшим. Им в помощь ринулись из-за рубежа всевозможные фонды, выдающие в первоочередном порядке именно детским издательствам гранты на издание книг авторов, которых укажут они. И пошли многотысячными тиражами для бесплатной раздачи(!) всевозможные «Солдатики», во время проведения СВО оправдывающие дезертирство из собственной армии и преподносящие это детям как высшее проявление человеческой морали, пресловутые «голубые» беспольные герои и т.д. Из 100 обследованных недавно в СП России детских книг 87 — зарубежные и написанные зарубежными авторами...

В источённую, ослабленную духовную оборону общества вклинились сочинители, возмнившие себя писателями по корочкам всевозможных коммерческих организаций, расплывшихся в прошедшее тридцатилетие в угоду человеческому тщеславию. Тема патриотизма в творчестве априори исключалась из коммерческого успеха, на главную сцену стали выходить русофобы всех мастей. Да, об Иуде писать легче, чем о Христе, и на экраны выходят и получают премии пресловутые «Сволочи», в «Большой книге» среди экспертов,

лауреатов и приближённых оказалось самое большое количество иноагентов и сбежавших за границу граждан — а именно они формировали читательский вкус и задавали литературные ориентиры нашим библиотекам! Творческий успех для подобных творцов (ловцов) человеческих душ — это только то, что отмечено зарубежными Оскарами, но только не любовь и чаяния наших зрителей и читателей.

Да, девяностые породили политики, создав благодатную почву для опустошения душ и возвращения террористов всех мастей. Рядом с ними — ответственность и тех, кто бегал тогда на их митинги и орал до хрипоты в своих безумных требованиях свободы, а сейчас точно так же кричит о неспособности государства защитить их от произвола террористов, мечтающих любыми способами расшатать ситуацию. Не удалось организовать трагедию, причинить горе нашей Родине во время выборов президента — сделали это сегодня...

...Писатели России скорбят о погибших, выражают глубочайшие соболезнования их родным и близким. Желают выздоровления пострадавшим. Как бы и где ни готовился этот теракт, в любом случае он опирался как на собственное желание навредить нашей стране, так и на людей, подыгрывающих врагам Отечества и проживающих рядом с нами. Потому мы и пытаемся загнать глубже в причины этой трагедии, и увидеть не просто убийство мирных людей. Горе только спланирует общество, и если у кого-то ещё оставались сомнения в «благочестивости» заклятых «друзей» России, то сегодня они должны если не исчезнуть, то породить сомнения.

А мы пойдём дальше. И обязательно проведём, возродим и укрепим не просто прерванную горем Неделю Детской книги, а сделаем её основополагающей в нашем литературном творчестве. И в том числе этим уберём почву для рождения подонков и их пособников и для оправдания террора. Укрепим дух и сплочённость общества. Не дадим погрузить нас в уныние и безысходность.

Россия всегда шла встреч солнцу. Именно остановки в пути или желание сойти на более лёгкую тропинку с родового исторического большака дают передышку нашим недругам, порождают в них ложную уверенность в нашей слабости. Но повторимся: трагедия в Подмошье на празднике музыки даёт нам право перестать нянчиться с либеральной допустимостью толерантности, сопоставимой с предательством. Верим, что будут найдены как убийцы, так и их вдохновители и сообщники. И будут названы и устранены причины, мешающие стране до конца обрести духовный стержень, который вроде бы уже выбросили на свалку истории кудесники девяностых и их последователи нашего времени.

Россия была, есть и будет. Со своим национальным кодом, с именами, которые перешли к нам от наших предков, с песнями на родном языке, в которых звучит неистребимая вера в справедливость и устремлённость в будущее.

От имени писателей России —
председатель правления Николай ИВАНОВ

Юрий Васильевич Бондарев (15 марта 1924 – 29 марта 2020)
Материалы к 100-летию со дня рождения выдающегося мастера
лиро-эпической фронтальной прозы, публициста, общественного деятеля
и одного из председателей правления СП России читайте на 2 и 8 страницах.

Современная литература соотносится с действительностью как-то разноречиво, непоследовательно и не очень внимательно.

Либеральная часть нынешней российской прозы погружена в пристальное рассматривание частной жизни благополучного в социальном отношении гражданина. Причем, как правило, не ментального гражданина России, но «гражданина мира», в силу личных обстоятельств обретающегося на территории нашей страны. Уже это усекновение панорамы объективной реальности свидетельствует о том, что здешнее прошлое, в том числе и родовое, для подобных людей не актуально. Хотя бы потому, что касается не их самих, а по времени уже дальних родственников, у которых, возможно, что-то и случилось в жизни не так — печально или трагично, но это остается за границами повествования.

ны, однако даже в таком саркастическом перечислении определено прослеживается типичность их пребывания в списке тематических предпочтений сегодняшних влиятельных издательств.

Все названное относится к прозе. С поэзией положение куда печальней. «Автоматическое» стихотворное письмо, когда развитие сюжета в целом зависит от словесных деталей предыдущей строки — при отсутствии творческой сверхзадачи — превратилось в своего рода литературную гангрену. Подобное унылое версификаторство разлагает всякое действительно художественное свидетельство о реальном мире, в широте и глубине его, и о человеке как о личности, способной превратить хаос, внутренний и внешний, в некое точное слово или поймать определяющий смысл происходящего, что подтвердит важность

Вячеслав Лютый Увеличительное стекло

Классики или современники: отношение к читателю и текущей реальности

Еще один пласт произведений — проза, касающаяся исторических страниц нашего государства, где практически отсутствует объективный, взвешенный взгляд на минувшее, и автором преследуется та или иная социально-политическая цель. Что и говорить, к литературе в истинном значении этого понятия подобные сочинения не имеют никакого отношения. Перед нами — целевые тексты, которые соотносятся в большей степени с технологиями манипуляции человеческим сознанием.

Современную беллетристику, где непременно должно присутствовать описание убийства или сладкого соития, кошмарная тайна или энергичный мордобой, уже загодя можно вывести из пространства художественного произведения как такового.

Остается еще имитация психологического погружения в «богатый душевный мир» героя, предстающего перед читателем в своего рода амбивалентной ипостаси. Как двуплкий Янус, вот тут персонаж, условно говоря, «хороший», а вот здесь — наверняка «плохой». При этом забывается, что для достоверности литературного портрета необходимо все-таки доминирование той или иной части облика героя, тогда как её противоположность может проявляться лишь в строго дозируемой степени. И если на страницах книжки изображается, скажем, людоед или маньяк, но только по-своему очень-очень добрый — стоит сразу сказать себе: дурят нашего брата-читателя, морочат голову.

Разумеется, названные приметы огромного числа нынешних литературных текстов достаточно схематич-

присутствия лирического героя в современной смутной действительности.

Свою лепту в процесс распада поэтического текста вносит также внутренняя установка пишущего на самовыражение: дескать, перед тобою, читатель — творец, чуть ли не волшебник, он складывает слова и смыслы по собственному произволению. И пусть результат этого сложения никаким боком не касается ни сердца и судьбы другого человека, ни в целом реалий бытия, но общая картина — текст, голос, артистическая повадка автора — выглядит увлекательно, особенно для молодежной аудитории.

Найдётся еще не одно свидетельство неосновательности либеральной литературной практики, но важно понять одно: перед нами — не собственно литература как великий способ исследования трагических коллизий нашего мира, не склонность увидеть красоту и милосердие в долине жестокости и равнодушия, но — имитация форм и наборок русской литературной классики с включением приемов и ракурсов иноязычной поэзии и прозы.

Что же этому противопоставить? Пространство действительно почвенной русской литературы ориентировано на глубокое читательское восприятие текста и душевное сопереживание. Здесь кажутся чужеродными произведения, где автор стремится предстать перед всяким, кто откроет его книгу, писателем «квыристым», что будто поглядывает на себя в виртуальное зеркало: «А хорош ли я? — Ой, как хорош!...». Подобное позерство отменяет потенциальную сверхзадачу художника, который пытается войти во внутренний мир своих героев и одновременно показать: жизнь состоит из противоположностей, но, преодолевая их борьбу, она утверждает себя как постоянно обновляющееся начало.

(Окончание — стр. 3)

22 марта 2024 года, минуло ровно 370 лет с того дня, как в Москву прибыло посольство Богдана Хмельницкого, привезшее сообщение о данной в январе на раде в Переяславле присяге Войска Запорожского, а также городов и волостей Гетманщины (тогда еще не Украины, о которой никто и слыхом не слыхивал) русскому царю.

Если бы на этом полномочия посольства и заканчивались, мы бы сегодня, скорее всего, вообще не знали бы, что такое украинский сепаратизм. Но посольство также везло царю челобитную с просьбой утвердить выработанные там же в Переяславле казацкой старшиной условия объединения.

К сожалению, царь Алексей Михайлович был вынужден это челобитие принять — война против Речи Посполитой была санкционирована решением состоявшегося ещё в октябре 1653 года Земского Собора (который утвердил принятие казаков Хмельницкого в русское подданство). При этом переяславская присяга показала, что далеко не вся Гетманщина мечтает сменить суверена — выступления против присяги состоялись в нескольких городах и даже в казацких полках, отказывалась присягать и киевская митрополия.

В таких условиях Россия не могла себе позволить отказать Хмельницкому и его казакам в их челобитие. Состоялись короткие переговоры, завершившиеся ещё до конца марта утверждением казацкого челобития, было заключено соглашение, известное как Мартовские статьи. В результате Гетманщина вошла в состав России на договорных основах.

Казалось бы, ничего страшного — Хмельницкий и с польским королём договоры заключал. Но есть нюанс: пока королевские наёмные полки (кварцаное войско) и магнатские частные армии были в силах заливать казацкие востания кровью, не идя ни на какие компромиссы с бунтовщиками, Речь Посполитая стояла. Как только Хмельницкий вынудил короля к подписанию договоров, государство начало рассыпаться (поляки не случайно ведут отсчёт заката Речи Посполитой именно с развязанной Хмельницким гражданской войны середины XVII века).

Хмельницкий был далеко не первым казацким вождём, который обращался к русскому царю с просьбой о подданстве, такие обращения получал и первый Романов (Михаил Фёдорович — батюшка Алексея Михайловича), и последний Рюрикович (Фёдор Иоаннович — сын Грозного и зять Годунова). Да и сам Тихийши царь не на первое обращение прореагировал. Уверен, что новые, договорные, условия вхождения Гетманщины в состав Речи Посполитой в немалой степени поспособствовали принятию царём и Земским Собором соответствующего решения.

Как родилось украинство

Ростислав ИЩЕНКО

Забывтый юбилей политической ошибки

Каждая эпоха диктует свои правила международных отношений (по-нынешнему «международное право»). Пока казаки были просто подданными польского короля, принятие их челобитий было бы прямым посягательством на его суверенные права. Не то чтобы такие посягательства были невозможны — войны за территории шли постоянно и не в одной лишь Европе. Но обоснование «справедливости» своих претензий и тогда было не пустым звуком.

Рюриковичи (от Ивана III до Фёдора I) обосновывали свои претензии на польско-литовские «кресы восходни» тем, что это их «отчины и дедины» — от древних киевских князей (от Владимира Святославича Красное Солнышко, от Ярослава Владимировича Мудрого, от Владимира Всеволодовича Мономаха) и от старшего в залеской ветви Мономашичей Александра Ярославича Невского, от младшего сына которого, Даниила Александровича, ведёт своё начало московская династия Калиты.

Романовы — родственники Ивана IV Грозного по жене, Анастасии. Это позволяло им претендовать на наследие Грозного (Русь в границах конца его правления), но никак не на наследие Невского или Мономаха. Таковы были правила наследования феодальной эпохи.

Однако феодальное подданство формировалось на трёх основах: завоевание (право меча), наследование (вотчина) и договор (собственно феодальное право). В двух первых случаях подданные не могли по своей воле менять господина. Феодальный же договор предусматривал «право отъезда». Если сюзерен вручал феодалу из состава своих земель, то «отъезд» осуществлялся лично (без земли). Но если земли принадлежали феодалу на основе права завоевания или наследования, то «развод» мог осуществиться и путём перехода территории в состав другого государства.

Так, например, в своё время герцоги Бургундские временно утащили апанаж, полученный от французского короля, так как главный массив их земель оказался в составе Священной Римской империи германской нации, и они ощущали себя имперскими князьями в большей степени, чем принцами французского королевского дома. В конечном же итоге Карл Смелый и вовсе приступил к формированию государства, независимого как от Франции, так и от империи, которое был прервано только его неожиданной гибелью.

Когда польский король заключил с Хмельницким договор, он фактически признал право

Гетманщины на автономию — отношения польской короны и подконтрольных Хмельницкому территорий стали из владельческих договорными. Времена же были жёсткие — границы автономных прав не определялись абсолютно чётко. Обычно автономия от полной независимости отличалась только неспособностью защитить себя от соседей. Поэтому она могла перейти из состава одного государства в состав другого, но не могла заявлять претензии на абсолютный суверенитет. Впрочем, как показывает та же бургундская история, если сил для защиты суверенитета оказывалось достаточно, то могла и на него претендовать.

Соответственно, принимая Украину в состав России, Алексей Михайлович руководствовался её правом на смену суверена, которое признал польский король, вступив с ней в договорные отношения. Единственная проблема заключалась в том, что «международное право» тех времён было менее лицемерным, чем нынешнее, и любое «право» надо было доказывать и отстаивать военной силой. Поэтому и русско-польская война стала неизбежной, но «правил игры» царь не нарушил.

При этом русское правительство совершенно здраво рассудило, что ему совершенно незачем принимать эту бунташную территорию на правах автономии. Посольство Бутурлина в январе 1654 года в Переяславле просто приняло у казаков присягу, чем дело и собирались завершить.

Но казацкая старшина успела полюбить польские вольности и совсем не хотела от них отказываться в пользу русской дисциплины. Воспользовавшись моментом — ведь Россия уже воюет с Польшей (по тем временам, это как воевать с Америкой сейчас), поддержка казацкого войска Кремлю необходима была не только собственно против поляков, но и против вскрывшейся в момент присяги неояльности большого количества новых подданных (городского населения, части казаков и верхушки православного духовенства), — старшина и отравила Алексею Михайловичу свою челобитную, из которой выросли Мартовские статьи.

Гетманщина вошла в состав России на договорных условиях: с собственной администрацией, со своей армией, отдельной фискальной и финансовой системой, отдельной экономической — на границе между Гетманщиной и Россией остались таможи. В общем Россия получила обязательство защищать Гетманщину и материально её поддерживать, в обмен же ей лишь

удалось отодвинуть на Запад враждебную польскую границу и вернуть Смоленск.

Условия не могли удовлетворить ни русское правительство, которое получало автономию в предельно унифицированной стране, ни казацкую старшину, которая постоянно думала о получении выгоды от очередного предательства. Поэтому двор в Москве, а затем и в Петербурге стремился привести Гетманщину к общему знаменателю, а гетманы в Малороссии всеми силами пытались уменьшить не только реальную власть, но и просто контроль российских суверенов на подведомственных им территориях. Причём эти территории они стремились ещё и расширить при помощи российской военной силы.

Борьба продолжалась с переменным успехом. Точку в ней поставила лишь Екатерина II, которая смогла добиться ликвидации Гетманщины, но при этом вынуждена была даровать казачьей старшине права русского дворянства и согласиться на закрепощение ими формально свободного (после 1654 года) населения Гетманщины.

Эти уступки резко увеличили экономический и политический вес выходцев из Малороссии в структурах российской власти. Тогда и начал рождаться миф о «гениальности и выдающемся трудолюбии» малороссов, с помощью которых они распространяют цивилизацию на территории «косных и ленивых» великороссов.

Так создавалась идеологическая база будущего украинского сепаратизма, на котором играли, играют и будут играть все враги России до тех пор, пока не будет окончательно дезауирована идея автономии (не важно какой: гетманской, малороссийской, украинской, южнорусской, феодальной, капиталистической, коммунистической).

Большевики, создавая коммунистическую империю с нуля, могли бы положить этому конец, но предпочли пойти по пути наименьшего сопротивления, поддерживая любые сепаратизмы, плодя народы и наделяя их новой государственностью, имея две цели: продемонстрировать «третьему миру» (тогда колониальной) модель новой «справедливой» государственности, и создать баланс на основе противостояния интересов национальных окраин, питаемых русским центром, и самого

этого центра, ослабляемого за счёт перевода части русских в иные национальности с присвоением им статуса «угнетённых народов» национальных окраин.

В результате этой цепи случайностей и казавшихся в своё время мелких незначительных уступок Россия не только не превратилась за триста с лишним лет относительно небольшую прослойку запорожского казачества с его «вольностями» (при том, что ни самих казаков, ни условий для их существования на Украине нет уже более двухсот лет), но идея некоей «украинской» (южнорусской, малороссийской) особости проникла в среду самого русского народа и обособивается учёными и политиками.

Смысл в исследовании проблемы рождения украинского сепаратизма, изучении её самых глубоких и неочевидных корней есть лишь в одном случае — если применённые знания мы используем для окончательного решения данной проблемы, искоренения украинства как проекта, враждебного русскости, — навечно.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. Новые территории входят в состав России как российские регионы, без каких-либо особых льгот и полномочий. Главное не сбиваться с этого пути, а то ведь у нас до сих пор есть достаточно влиятельное проукраинское лобби, считающее и доказывающее, что хоть какую-то Украину, хоть на каких-то территориях надо сохранить.

Украины не может быть никакой. Даже в Галиции, где, действительно, за более чем шестьсот лет отдельного существования сформировалась иная, нерусская, нация. Пусть будут галичане, поляки, румыны, венгры, кто угодно, но не украинцы. Украинцы — альтернативный русским вариант развития русской нации, до сих пор украинство сражается с русскостью за «польские вольности», за «европейский выбор». Оно никогда не успокоится, не искоренит русскость (как альтернативный и более успешный вариант национально-государственного развития), а значит в интересах нашей безопасности должно быть полностью искоренено.

Сам факт принятия в 1654 году в Россию отдельной Гетманщины на условиях выжаты Хмельницким из польского короля автономии, а не всеобъемлющего восстановления власти православного царя над русским православным народом, был политической ошибкой, которую в тех условиях русское правительство не могло осознать. С высоты исторического опыта можем сказать, что лучше было бы подождать, пока «автономисты» под польскими саблями умрут гордыню и согласятся на обычное подданство.

Прошлое мы исправить не можем, но вынесенный из прошлого опыт позволяет нам корректировать будущее.